

Моррис, Уильям. Как я стал социалистом // Искусство и жизнь. *Избранные статьи, лекции, речи, письма. Москва, 1973: 53-58.*

"КАК Я СТАЛ СОЦИАЛИСТОМ."

Редактор попросил меня рассказать, как я стал социалистом, и я чувствую, что сделать это небесполезно, если только читатели отнесутся ко мне как к представителю людей определенного мировоззрения. Рассказать об этом понятно, коротко и правдиво не так-то легко, но тем не менее позвольте попробовать.

Прежде всего я хочу уточнить, что, по-моему, значит быть социалистом, так как мне говорят, что это слово больше не означает того, что определенно и точно означало десятилетие назад. Так вот, с моей точки зрения, социализм-это такой общественный строй, при котором не должно быть ни бедных, ни богатых, ни хозяев, ни подвластных им слуг, ни бездельников, ни невращенников-интеллигентов, ни удрученных рабочих,-одним словом, такой строй, при котором условия жизни будут равны для всех и каждый сможет плодотворно заниматься своими делами, глубоко сознавая, что ущерб для одного означает ущерб для всех; в конечном счете социализм-это воплощение мечты о "всеобщем благосостоянии."

У меня не было переходного периода, разве что краткий период моего политического радикализма, когда я мыслил свой идеал достаточно ясно, но не надеялся на его осуществление. Этот период закончился за несколько месяцев до моего вступления в тогдашнюю Демократическую федерацию, а этот шаг означал, что у меня явилась надежда на осуществление идеала.

Если вы спросите, какую долю моих надежд или мыслей мы, жившие и работавшие в ту пору социалисты, претворили в жизнь или когда же свершится долгожданная перемена в облике общества, то я вынужден буду признаться, что не знаю. Могу только сказать, что не измерял ни своей надежды, ни той радости, которую она в то время мне приносила.

К тому же, когда я предпринял этот шаг, я ничего не понимал в экономике. Мне даже никогда не приходило в голову открыть Адама Смита, я не слышал ни о Рикардо, ни о Карле Марксе. Случайно я прочитал Милля, в частности те его посмертные статьи (напечатанные то ли в "Вестминстер Ревью", то ли в "Форт-найтли"), в которых он нападает на социализм в его фюреристском облике. В этих статьях он излагает свои доводы серьезно и четко, и в результате, коль скоро речь идет обо мне, я убедился, что социализм стал насущной проблемой и что возможно претворить его в жизнь уже в наше время. Эти статьи явились последним штрихом в моем обращении. Итак, вступив в социалистическую организацию (ибо Федерация вскоре стала полностью социалистической), я попытался серьезно вникнуть в экономическое учение социализма, даже принимался за Маркса, хотя и должен признаться, что, получив громадное удовольствие от исторической части "Капитала", я был близок к умопомешательству, знакомясь с экономическими концепциями этого великого труда. Как бы то ни было, я прочитал то, что оказалось мне по силам, и, надеюсь, это чтение обогатило меня кое-какими познаниями, но, думаю, еще больше я получил от продолжительных бесед с такими моими друзьями, как Бэкс, Гайндман, Шой и в ходе тех оживленных пропагандистских митингов, которые проводились в ту пору и в которых я принимал участие. Мое образование в практическом социализме, которое я

способен был приобрести, позднее было завершено благодаря некоторым моим друзьям-анархистам, в беседах с которыми я понял, совершенно вопреки их намерениям, что анархизм не имеет надежд на будущее, точно так же как, читая Милля, я понял, вопреки его намерениям, что социализм необходим.

Но рассказ о том, как я на деле стал приверженцем социализма, я, видимо, начал с середины, ибо, будучи состоятельным человеком и не страдая от лишений, угнетающих рабочих на каждом шагу, я чувствую, что никогда, может быть, не втянулся бы в практическую деятельность социалистов, если бы к этому не побудил меня мой идеал. Ибо политика как таковая, то есть и не рассматриваемая как необходимое, хотя и тягостное и неприглядное средство достижения цели, никогда бы не привлекла меня. Равным образом, после того как я осознал пороки современного общества и увидел, как угнетают бедняков, я никогда не смог бы поверить в возможность частичного исправления этих пороков. Другими словами, я никогда не был столь глуп, чтобы поверить в счастливого и "благопристойного" бедняка.

И если мой идеал побудил меня искать пути практического служения социализму, то какая сила привела меня к какому-то идеалу? Вот теперь вспомним сказанное мною в начале этой статьи-о том, что я типичный представитель людей определенного умонастроения.

До возникновения современного социализма почти все мыслящие люди либо были удовлетворены, либо мнили себя удовлетворенными цивилизацией нашего столетия. Почти все они и на самом деле были удовлетворены и считали, что нужно только совершенствовать эту самую цивилизацию путем уничтожения немногих смехотворных пережитков варварства. Короче говоря, таково было умонастроение вигов, естественное для современной процветающей буржуазии, представителям которой, коль скоро дело касалось развития промышленности, действительно нечего было желать, только бы социалисты оставили их в покое и дали бы им наслаждаться блеском их богатств.

Но кроме этих довольных были и такие, которые на самом деле не были удовлетворены торжеством цивилизации и испытывали к ней чувство отвращения, однако вынуждены были молчать, подавленные безграничной властью вигизма. И, наконец, появились немногие, открыто восставшие против пресловутых вигов,-немногие, а точнее-двое: Карлейль и Рёскин. Последний, до того как я на деле стал социалистом, был моим учителем: он-то и помог мне обрести идеал, о котором я говорил. Оглядываясь на прошлое, я не могу, кстати, не признать, что мир был бы убийственно скучен двадцать лет назад, если бы в нем не было Рёскина.

Именно благодаря ему мое недовольство, которое, должен сказать, отнюдь не было смутным, приняло определенные формы. Помимо желания создавать красивые вещи основной страстью моей жизни была и есть ненависть к современной цивилизации. Что, найдя, наконец, нужные слова,-скажу я о ней теперь, когда меня воодушевляет надежда на ее разрушение? Что скажу я о замене этой цивилизации социализмом?

Что сказать мне о владычестве, этой цивилизации над механической мощью и о бесплодной растрате этой мощи, о столь низком уровне благосостояния, о столь богатых врагах этого благосостояния, о ее громоздкой организации-как оправдать мне убожество этой жизни? Что сказать о презрении этой цивилизации к простым радостям, которым, если б не ее глупость, мог предаваться каждый? О ее слепой вульгарности, которая уничтожила искусство-это единственное надежное утешение труда? Все это я ощущал и тогда, как теперь, но не понимал причин этого. Надежда былых времен исчезла, многовековые усилия человечества не принесли иных плодов, кроме жалкой, бессмысленной и безобразной анархии. Мне казалось, что в недалеком будущем, когда исчезнут последние остатки тех времен, которые предшествовали воцарению унылого убожества цивилизации, нынешние пороки общества еще более возрастут. Такие мысли были явно мрачны, и если говорить обо мне как о личности, а не просто как о некоем типе, то они были особенно тягостны для человека моего склада, равнодушного к метафизике, и религии, и к научному анализу, но испытывающего глубокую любовь к земле и земной жизни и страстный интерес к былой истории человечества. Подумайте! Должен ли я был закончить меняльной конторой на горе шлака, или гостиниой Подснэпа на взморье, или комитетом вигов, угощающим богачей шампанским, а бедняков-маргарином в таких удобных пропорциях, что все люди сразу преисполняются довольством, хотя из мира исчезает все радующее глаз, а место Гомера занимает Хаксли? И все же, поверьте, именно это виделось мне,

когда я вынуждал себя заглядывать в будущее: как мне казалось тогда, едва ли кто считал стоящим бороться против подобного конца цивилизации. Итак, я неизбежно должен был бы стать пессимистом, если бы каким-то образом меня не осенило, что среди этой грязи начинают появляться зародыши той великой силы, которую мы зовем социальной революцией. Благодаря этому открытию я увидел мир в ином свете, и, чтобы стать социалистом, мне оставалось лишь одно-окончательно связать себя с практическим движением, что, как я сказал раньше, я и постарался сделать в меру своих сил.

Таким образом, изучение истории, любовь к искусству и занятия ими возбудили во мне ненависть к цивилизации, которая, если бы все застыло на месте, превратила бы историю в бессвязную несуряцицу, а искусство-в коллекцию любопытных безделушек прошлого, утративших всякую реальную связь с настоящим.

Но предвидение революции, созревающей в нашем ненавистном современном обществе, помешало мне, большому счастливцу в сравнении с другими художниками, стать, с одной стороны, просто хулителем "прогресса", а с другой-не позволило попусту растрачивать время и энергию на какие-либо бесчисленные проекты, с помощью которых мнимохудожественные натуры из средних классов надеются развивать искусство в условиях, когда оно вовсе лишилось корней. Так я стал социалистом.

Еще несколько слов. Возможно, кое-кто из наших друзей спросит, а какое мы имеем отношение к истории и искусству? Мы хотим с помощью социал-демократических преобразований добиться благопристойной жизни,-мы хотим как-то жить, и жить теперь же. Разумеется, кто считает проблему искусства и образования более важной в сравнении с проблемой желудка (а некоторые придерживаются именно такого мнения), тот не понимает существа искусств, не понимает, что искусство должно уходить своими корнями в почву безмятежной процветающей жизни. Но все-таки нужно помнить, что цивилизация обрекла труженика на такое жалкое и худосочное существование, что он едва может представить себе жизнь лучшую, чем та, которую он вынужден теперь вести. Искусство должно нарисовать для него правдивый идеал полнокровной и разумной жизни, жизни, в которой восприятие и создание красоты-иными словами, подлинные наслаждения и радость-будут для человека такой же потребностью, как и хлеб насущный. И ни один человек, ни одна группа людей не могут быть лишены этих радостей иначе, как путем насилия, против которого необходимо всеми силами бороться.

Статья впервые опубликована в 1894 году в органе Социал-демократической федерации "Джастис," на русском языке опубликована в 1906 году в издательстве "Друг народа."